

**ПОВЕСТЬ-СКАЗКА «ВАТЕК» У. БЕКФОРДА
КАК МИСТИФИКАЦИЯ
Ю. А. Афанасьева**

Белорусский государственный университет, г. Минск;

5902053@mail.ru;

науч. рук. – А. М. Бутырчик, канд. фил. наук, доц.

В статье в качестве примера предромантической литературной мистификации представлена готическая повесть-сказка У. Бекфорда «Ватек». Причинами возникновения такого жанра были активный интерес к национальному прошлому, памятники которого противопоставлялись достижениям античности, и готическая традиция представления текста в качестве «an unpublished manuscript» как «дань моде» на странное, чужое. В исследовании обозначены критерии рассмотрения повести как мистификации: сокрытие авторства, стилизация под одну из сказок «Тысячи и одной ночи», использование исторических персон в качестве литературных героев, воссоздание фиктивных образов реальных топосов, транслирование У. Бекфордом сословных предрассудков, оправдания колонизации и рабства.

Ключевые слова: литературная мистификация; готическая повесть; ориентализм; национальное прошлое; Восток; предромантизм; стилизация; межкультурная коммуникация.

Литературные мистификации не являются новым явлением в литературе – различные их виды существовали еще в античности. Согласно определению, «МИСТИФИКАЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ (от греч. μυστήρ – посвященный в тайну и лат. facio – делаю) – лит. произведения, авторство к-рых приписывается к.-л. реально существовавшему, а иногда вымышленному лицу или выдается за создание нар. творчества; иногда сопровождается изготовлением ложного первоисточника текста. Сохранение стилистич. манеры и создание творч. образа мнимого автора отличает М. л. от более широкого понятия лит. анонима и псевдонима. М. л. чаще встречаются в переломные эпохи, ознаменованные обострением обществ. борьбы» [1]. Е. Ланн выделяет два вида таких произведений: подделки безличного творчества и подделки литературных творений. Последние разделяются на три группы: подделки произведений, приписываемых писателям; подделки произведений, приписываемых историческим лицам; подделки произведений, приписываемых вымышленным авторам. Исследователь отмечает, что причинами возникновения мистификации могут быть финансовые проблемы ее создателя, сословные предрассудки, несогласие с существующим политическим режимом, тя-

га к игре или же неуверенность в собственных творческих силах, которая удерживает его от публикации своих работ открыто [2].

Интерес к литературной мистификации в период предромантизма объяснялся разочарованием в общественных изменениях века, стремлением к новизне, свободе от переживающего кризис классицизма. Так в конце XVII века возник спор «древних» и «новых» о достоинствах античной и современной литературы. Если Средневековье в трудах Э. Шефтсбери, Дж. Аддисона было обозначено как «ложное», не способное «приблизиться к античности», то Р. Хёрд и Э. Бёрк начали рассматривать его как источник возвышенного, утверждая, что времена рыцарей были «такими же варварскими, как и эпоха Гомера» [5]. Внимание к национальному прошлому давало возможность найти оригинальные сюжеты, новые идеи, которыми могла бы гордиться нация. Роскошь, жестокость и экзотичность «варварства» притягивали своей новизной. Не всегда ожидания от поисков оправдывались, поэтому некоторые историки, поэты сами создавали «объекты средневекового искусства». Высокий уровень стилизации текста создавал необходимую атмосферу «правдивости». Так, знаменитые «поэты-мифы» Оссиан и Роули, созданные предромантиками Дж. Макферсоном и Т. Чаттертоном, снискали огромную популярность и не сразу были идентифицированы как мистификации.

В готической традиции тексты часто предоставлялись читателю как «an unpublished manuscript» с целью создания атмосферы тайны, интриги, характерной для этого жанра. Так развивался читательский интерес к прошлому. Кроме того, через активное использование фантазии как инструмента создания ярких образов готическая новелла поворачивает развитие *novel*, возникшей в эпоху Просвещения и базировавшейся на рассказе о правдоподобных событиях, к средневековому куртуазному *romance*, в котором использовался фантастический сюжет с героями из высшего сословия. Созданные в период Средневековья, произведения часто либо не имели автора, либо упоминание о нем не сохранялось вместе с текстом. Так, «The Castle of Otranto», изданный в 1764 г. Г. Уолполом и положивший начало готической традиции в английской литературе, в первой своей публикации представлен как перевод Вильяма Маршалла рукописи некоего итальянского священника Онуфрио Муральто: «The following work was found in the library of an ancient Catholic family in the north of England. It was printed at Naples, in the black letter, in the year 1529. How much sooner it was written does not appear. The principal incidents are such as were believed in the darkest ages of Christianity; but the language and conduct have nothing that savours of barbarism. The style is the purest Italian» [6].

Интерес к Востоку, вызванный активной колониальной экспансией Британии и Франции, ввел «моду» на ориентальные мотивы в западной литературе. Восточное стало восприниматься не только как экзотическое, роскошное, чувственное, но и греховное. Используя Восток как чужое, конфликтное место, можно было завуалировано показать проблемы Запада, не указывая автора «чужого» произведения сохранить интригу для читателя. Так, готическая повесть-сказка У. Бекфорда «Ватек» тоже может быть обозначена как литературная мистификация. Ее английская версия была переведена С. Генри, пока сам У. Бекфорд был занят вариантом на французском языке. С. Генри издал «Ватека» в Англии в 1786 г. раньше, чем в Париже и Лозанне появились французские издания, и без четырех эпизодов, которые были во французском тексте, вопреки воле писателя. «An Arabian Tale from an Unpublished Manuscript» тоже было добавлением переводчика, тогда как создатель оригинального текста не имел интенции «прятаться». Мистификация авторства, характерная для готических произведений, в случае с «Ватеком» не была намеренной.

Повесть создана в ориентальном стиле, стилизована под сказку из известного сборника «Тысячи и одной ночи». Опираясь на знания Корана, арабских и персидских сказок, У. Бекфорд уверенно использует специфические имена, ориентальные топосы, атрибутику.

Действие происходит в условном прошлом, при правлении Ватека, «ninth Caliph of the race of Abassides... the son of Motassem, and the grandson of Haroun al Rascid» [4, с. 7]. Примечательно, что главный герой и его мать, царица Каратис, существовали в действительности. В повести они функционируют как «pseudo-oriental villains who represent the real personages from the Abbasid reign (758–1258 AD): Al-Wathik (or Harun el-Vasik Billah), the ninth caliph of the dynasty (842–847 AD), and Qaratis (or Karati), his Byzantine concubine mother are given the names Vathek and Carathis, and are depicted as the wicked figures ruling the lands of Islam with the help of their blindly devoted vizier Morakanabad, and their sly eunuch Babalouk» [7, с. 244]. Имея в качестве примеров тексты С. Джонсона и Вольтера, У. Бекфорд продолжил традицию изображения исламских стран как источников зла, наложив христианское мышление на ориентальные реалии. Ватек и Каратис наказаны за свои грехи, обреченные на вечные страдания в Дворце подземного пламени. Исторические персонажи оказались в окружении нереальных – таким образом экзотический образ восточных стран, созданный фантазией западных писателей, смешивался с историей.

У. Бекфорд никогда не был в странах Востока (известно лишь о его путешествии в Португалию), однако переносит действие в Вавилонию и

выстраивает в ней довольно правдоподобный мир. Город Самарра, первый топос, упоминаемый в «Ватеке», действительно существует в Ираке. Там же правил существовавший в реальности халиф аль-Васик; он воздвиг Большую мечеть с минаретом в виде спирали, считавшуюся на тот момент самым крупным сооружением в исламском мире. Башня в повести У. Бекфорда не только похожа на нее, но и олицетворяет фаустианскую жажду знаний, о которой можно говорить, проведя аллерию между Большой мечетью и Вавилонской башней. Эмир Факреддин, как и его дворец, также существовали в истории Востока, тогда как пять дворцов халифа Ватека (неизвестно, сколько их было у него на самом деле), долина Рохнабада и дворец подземного пламени в Истахаре являются фиктивными. Через богатое убранство гаремов, количество наложниц в них, роскошь пищи на столах халифа и рабов, служащих ему, можно усмотреть состояние английского общества, современного писателю. «Псевдоисторическая» готическая повесть У. Бекфорда отвечала требованиям литературного вкуса XVIII века, питавшего интерес к захватывающей «true story», связанной с категориями «ужасного», «странного». Это стало новым источником сверхъестественных (восточных) архетипов и моральным оправданием для эксплуатации других народов и их земель.

М. А. Хольнева указывает: «Мистификация вводит в художественное пространство романа ирреальные элементы (предчувствия, сны, галлюцинации, предвидения и т. п.), игру, культурную кодификацию прошлого культурно-исторического опыта. Она, являясь приемом, технологией введения в структуру произведения фальсификационных мотивов, расширяет область смыслообразования и смыслоозначения. Мистификация как компонент романной формы создает динамизм повествования, проявляет себя в построении центральных образов» [3]. Действительно, в «Ватеке» через сны герои воспринимают зловещие знамения от Иблиса и призывы к покаянию от Магомета; они предвидят достижения желаемых благ, но оказываются слепы в отношении собственной судьбы. Через призму игры добра со злом воспринимаются действия Каратис и ее сына в отношении темных сил: жертвоприношения, убийства и ужасные ритуалы со стороны матери и душевные метания, детская покорность при принятии решений, обмен души на материальные блага и любовь красавицы – со стороны сына. Использование мистифицированных ориентальных реалий в сюжете создает необходимый динамизм действия, сосредотачивая внимание читателей на сюжете, – таковы попытки мудрецов разгадать таинственную надпись на сабле халифа, процесс похищения Нурониар из дворца ее отца и друга Гюльхенруза, путешествие через пустыню Ватека и Каратис со свитой в подземные чертоги Иблиса

и т. д. Проникнутая тайной и страхом, литературная мистификация воспринимается читателями если не как исторически доказанный факт, то как «правдоподобная» история.

Повесть-сказка У. Бекфорда «Ватек» содержит в себе многие элементы литературной мистификации: утаивание имени автора (хоть и не преднамеренное), стилизация произведения под другое (конструкция сказки из «Тысячи и одной ночи»), политические и сословные предрассудки (оправдание колонизации и рабства), желание выделиться, поиграв с реалиями «другого» мира. Однако благодаря причудливой связи реальности и фикции повесть все еще не потеряла интереса со стороны читательской аудитории.

Библиографические ссылки

1. Гришунин А. Л. Мистификации литературные // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 4 : Лакшин – Мураново. 1967.
2. Ланн Е. Литературная мистификация. М.; Л.: ГИЗ, 1930.
3. Хольнева М. А. Особенности художественной мистификации в романе Джона Фаулза «Волхв» автореф. дис. ... канд. ист. наук : 10.01.03 / Нижегород. гос. пед. ун-т. Н. Новгород, 2006.
4. Beckford W. Vathek, an Arabian Tale. URL: <http://gutenberg.org/files/42401/42401-h/42401-h.htm> (date of access: 30.04.2020).
5. Hurd R. Letters on Chivalry and Romance. London: H. Frowde, 1762.
6. Walpole H. The Castle of Otranto. URL: <https://www.gutenberg.org/files/696/696-h/696-h.htm> (date of access: 30.04.2020).
7. Yayına Kabul Tarihi. William Beckford's Depiction of the Orient and the Oriental as Infernal in Vathek // Journal of Social Sciences, 2016. № 39. Pp. 241–255.